

„Сов. Россия“, 1978, 31 августа

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

ДИАЛЕКТИКА ДУШИ

К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого

Центральное телевидение вновь показало трехсерийный телеспектакль «Детство. Отрочество. Юность». В контексте сегодняшнего предъюбилейного дня телеспектакль режиссера Петра Фоменко прозвучал удивительно свежо, на редкость актуально. Нравственный мир человека, гениально постигнутый Толстым и воссоздаваемый искусством телевидения, раскрылся во всей своей созвучности современным задачам нравственного воспитания, которые решаются как всеобщие, определяющие очень многое в нашем социальном развитии.

Слова Чернышевского о «диалектике души», написанные в отзыве о первой части толстовской трилогии, стали хрестоматийными. Естественно, что создатели телеспектакля учитывали эту формулу, стремились раскрыть ее своими, художественными средствами.

Многое, что лежит в основе художественного решения телеспектакля, сегодня кажется азбучным. Зритель уже привык к появлению в кадре ведущего, свободно включающегося в беседу персонажей. Но когда-то спор между Николаем Петровичем и Николькой, между взрослым человеком и им же самим в детстве, был откровением. Телеспектакль по трилогии многое открыл некогда и там, где герой произнес свою реплику, может, обратившись прямо к невидимому собеседнику, сидящему перед телевизором, прокомментировать событие, мелькнувшую мысль, накопившееся чувство; или же вспомнить что-то давно пережитое; или заглянуть в собственное будущее, размышляя о «связи времен» в жизни человека.

Сегодня особенно отчетливо видишь и неизбежность, значительность того, что именно толстовская трилогия заставила искать особо точный телевизионный язык, утвердила многие важнейшие принципы телевизионного переосмысления прозы, искусства слова с его способностью живописать жизнь многомерно.

Телеспектакль очень строг во всем, что касается примет эпохи, по-настоящему историчен. Если даже в кадре возникают какие-то анахронизмы, они глубоко продуманны, нацелены на то, чтобы зритель мог «разомкнуть» историческое время, понять всеобщность проблемы «диалектики души». Это достигается в фильме крайне лаконичными средствами: на экране нет густоты быта, мало интерьеров, любовно оглядываемых камерой.

Режиссер тонко использует музыкальный «фон». Рассказ Карла Ивановича — одно из самых знаменитых мест во всей русской прозе — Александр Калягин ведет, словно более всего боясь пожелать своего героя — несчастного, сентиментального, благородного. А за кадром звучит мелодия бетховеновской песни о сурке — щемящая и простая, в которой сентиментальность переосмыслена искусством, претворена в глубочайшее чувство.

Есть в телевизионной трилогии по Толстому удача особая, образ, вылепленный с исключительной тонкостью и глубиной Это Наталья Николаевна Иртеньева, мать Никольки. Маргарита Терехова создала характер глубоко национальный, исполненный драматизма, внутренней силы. Исподволь открывается глубокая печаль героини — и красота души ее, и жажда счастья, и способность к глубокому самопожертвованию. Актриса сумела с первого своего появления в кадре сыграть человека обреченного. Именно в тех эпизодах, где она появляется, вдруг начинают активно «играть» интерьеры усадьбы. И постепенно возникает горестный образ прекрасной русской женщины, помещенной в убоженную теплицу и осужденной как бы заранее неизбежно погибнуть после того, как в сырой день пройдет она по живой земле. Но во всем облике Тереховой — Наталья Николаевна — открывается ясная духовная связь с этой землей, с нравственными корнями русского характера, и все луч-

шее, что открывает, формирует в себе затем Николай Иртеньев, воспринимаешь как наследие матери, выполнение ее завета. Внутренняя интеллигентность, способность любить всем сердцем, без расчетов и нравственных калькуляций, потребность формировать в детях добро так, чтобы потребность в добре была органической частью личности, а не простым умозрительным правилом, — все это соединила в себе героиня Тереховой.

Тому, что развитие образа Николая Иртеньева как бы заложено уже в образе Натальи Николаевны, обязано все лучшее, что раскрывается на телеэкране в четырех эпизодах главного героя. Не все, правда, удалось сделать в рамках задачи телефильма (которая с неизбежностью сужает богатые возможности литературного первоисточника), чтобы «диалектика души» Иртеньева предстала с должной полнотой. Причина, мне думается, в том, что не все второстепенные персонажи получились живыми, позволяющими проявиться бурно формирующимся живому чувству и живой мысли героя. Но удалось все же сделать главное — и труднейшее.

В телеспектакле нет хронологических «привязок», и все же от серии к серии за возмужанием Иртеньева, за спорами, которые ведет он с товарищами, за возрастающей остротой нравственного чувства открываешь для себя движение времени, движение русской истории, воплощенной не в эпизодических событиях, которые происходят «за кадром», за пределами сюжета, а именно в становлении нового — для России тех лет — типа личности, социально активной, нравственно требовательной к себе и другим.

Создатели телеспостановки делают ее рассказом о школе нравственного самовоспитания которую проходит герой. Они четко очерчивают приметы социальной несвободы, в условиях которой формировалось поколение Толстого. Столь же четко показано и то,

что эта социальная, духовная несвобода порождала многие конфликты между людьми, конфликты человека с самим собой. Телеспектакль анализирует вопрос о том, как необходимо было нравственное начало для преодоления социальной несвободы. Но создатели телеспектакля идут дальше, показывают, что человек, не воспитанный нравственно, может и для себя, и для других оказаться источником зла в любой социально-исторической ситуации. При всей строгости по отношению к толстовскому тексту спектакль современен именно потому, что будит мысль о необходимости нравственного воспитания и самовоспитания в условиях социальной свободы.

И когда в телевизионной инсценировке автобиографической трилогии Льва Толстого русские мальчишки, родившиеся полтора века назад, спорят о простых первоосновах нравственной жизни человека, борются с собственной слабостью, учатся любить не только для себя, не подаваться соблазнам сытого, циничного, потребительского отношения к миру, к людям, — это оказывается созвучным сегодняшним проблемам, спорам, исканиям. И не потому, что природа человеческая неизменна, а потому, что коренным образом изменились социальные условия жизни потомков этих мальчиков и нравственное совершенствование, самосовершенствование человека в этих новых условиях оказалось важнейшим фактором нашего дальнейшего социального прогресса.

Культура нравственного чувства диалектика воспитания и самовоспитания человека так, как они воплотились в личности Толстого, выразились в его произведениях. И телеспектакль «Детство. Отрочество. Юность» — одна из интересных попыток сделать уроки этой диалектики в живой, наглядной и очень тонкой художественной форме предметом размышления многомиллионной аудитории.

В. КИСУНЬКО.